

Николай Иванович Терешкин - ученик Вольфганга Штейница

Личные Воспоминания

Сергей Н. Терешкин

Вольфганг Штейниц ... Это имя я услышал в раннем детстве. Мы жили в коммунальной квартире в академическом доме. Соседом у нас был А.М. Щербак, в будущем доктор филологических наук, а в то время - молодой человек.

Часто у нас собирались гости: Ученые, коллеги и знакомые с Севера. Однажды в детстве, не помню в каком возрасте, я услышал как во время какой-то беседы за общим столом отец вдруг сказал: „А я ученик Штейница!“ Для меня это было даже неожиданно. Как же так, мой отец, и вдруг – чей-то ученик! Отец для меня был всегда каким-то очень умным человеком. И не только потому что я знал, что он ученый, но и потому что к нему всегда можно было подойти с вопросом и получить ответ. Казалось он все знает. И вдруг: – „Я - ученик Штейница!“ Давно это было. Но в памяти у меня остались и длинный стол, и гости, и даже гордость с которой он произнес эти слова.

Годы летят быстро. Наши родные стареют и уходят. И часто потом понимаешь, как мало успел спросить, узнать и запомнить. Много раз

я слышал это имя – Штейниц. Много раз отец рассказывал о своей молодости и учебе. И все равно кажется так мало успел рассказать о своей жизни, потому что в ней было так много удивительных историй, что о ней можно было бы написать книгу.

Вольфганг Штейниц
(фотография из личного архива
Сергея Н. Терешкина)

Хотелось бы сказать несколько слов об отце – человеке который знал Вольфганга Штейница, учился у него и до конца дней уважал как

выдающегося ученого и человека. Николай Иванович Терешкин родился в 1913 году в глухой сибирской тайге в семье охотника ханты. Однажды ушел его отец на охоту и не вернулся – погиб. А когда Николаю было два года, не вернулась с охоты и его мама. И остался Николай один в холодной юрте-избушке. Сколько времени он там провел – неизвестно. Нашли его голодного и исхудалого дальние родственники. Взяли в свою семью. Нелегко жилось осиротевшему Николаю. С ранних лет он узнал что такое голод и труд. В 1928 году 15-летний Николай пришел учиться в первый класс. В течение одного года он освоил программу трех классов. И его, как способного мальчика, отправили учиться в Тобольск, а потом в Ханты-Мансийск в национальное Педагогическое училище. Будучи студентом он уже преподавал хантыйский язык в советской партийной школе. В 1935 году как лучший студент Николай досрочно сдал экзамены за четвертый курс и был направлен работать в национальную хантыйскую школу. Через год Ханты-Мансийский отдел народного образования отправляет Николая Терешкина для продолжения учебы в Ленинград в Институт Народов Севера. Здесь и познакомился студент-ханты Николай Терешкин с немецким ученым, исследователем хантыского языка Вольфгангом Штейницем. Я никогда не забуду рассказ отца о

первом занятии по хантыйскому языку, которое проводил Вольфганг Штейниц. Николай прекрасно знал хантыйский язык и даже сам его преподавал. И он подумал, чему же еще его может научить немецкий профессор в его родном хантыйском языке. Но когда профессор Штейниц взял мел и стал писать на доске по хантыйский и объяснять грамматику – тут Николай понял, как много он еще не знает и сколько надо еще учиться, чтоб так преподавать. И потом, будучи уже известным ученым, Николай Иванович говорил: „Я-Ханты. Для меня хантыйский язык родной. Но учился я хантыйскому языку у немецкого ученого Вольфганга Штейница. И обучение шло на высочайшем профессиональном уровне. И традицию такой исследовательской и преподавательской работы Николая Иванович Терешкин продолжил в своей последующей научной и педагогической деятельности. И говорю я это с полной уверенностью, потому что такие же слова, которые мне сказал отец о преподавании профессора Штейница, я услышал однажды от студентов ханты, которые учились когда-то у Н.И. Терешкина. Это было недавно, на 70-летнем юбилее Факультета народов Крайнего Севера. Приехали студенты ханты, прекрасно знающие язык учиться на Северное Отделение Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена. Пришли на лекцию по

хантыйскому языку и думают: „Ну чему еще нас тут могут научить. Мы и так хантыйский язык знаем“. Но когда Николай Иванович взял мел и стал писать на доске по хантыйски, объясняя грамматику, удивились студенты: „Как много надо еще учиться, чтоб так же уметь преподавать свой родной хантыйский язык“.

Я был потрясен когда это услышал. Те же слова. Я сразу вспомнил, что говорил отец о лекциях В. Штейница. И понял: „Вот она научная преемственность. Вот она научная школа, которую успел получить мой отец. Вот она традиция исследования и преподавания языка. Вот они – бывшие студенты и настоящие учителя, преподаватели, ученые, продолжающие эту традицию“.

30-е годы – время сложное. Трудности этого времени отразились и на наших студентах, и на преподавателях иностранцах. Дело историков правильно и честно осветить эту эпоху. Но то что были покалечены миллионы человеческих судеб – это известно. Я знаю такой частный пример из жизни моего отца. Однажды после ареста одного из его друзей-студентов, он пришел в комнату, схватился за голову и в руках остались горсти волос. Так молодой, здоровый человек в 26 лет начал лысеть. Какое же страшное нервное напряжение было у людей в это время. Сколько времени продолжалось обучение у про-

фессора Штейница, я не знаю. В 1940 году Николай Иванович окончил Институт Народов Севера, и ему было предложено поступить в аспирантуру для дальнейшего изучения хантыйского языка. Но занятиям в аспирантуре помешала война. А дальше была армия, фронт и тяжелое ранение в 1944 году.

Институт Народов Севера в годы войны был эвакуирован в город Омск. Туда после лечения и демобилизации уехал работать Н.И. Терешкин. Снова поступил в аспирантуру и в 1948 году закончил ее. А с 1950 года работал в Институте Языкознания АН СССР в течение 34 лет до выхода на пенсию. В 50-е годы Николай Иванович ездил в экспедиции в Тюменскую область, собирал лингвистический и фольклорный материал. Во время одной экспедиции он во второй раз встречался с моей мамой - Таисьей Дмитриевной и предлагал ей выйти за него замуж. Впервые они встретились в Ханты - Мансийском педагогическом училище. Она только поступила, а он уже заканчивал и был досрочно направлен директором в национальную школу. Так что первый раз пожениться они не успели. А потом и жизнь их раскидала: его – в Ленинград, а мама работала на Севере. Организовывала первые национальные школы, собирала детей, учила их, их родителей. И через много лет они снова встретились на Севере. Вторая попытка пожениться была более

удачной. Но эта история могла бы послужить сюжетом для новой книги.

Николай Иванович Терешкин
(фотография из личного архива
Сергея Н. Терешкина)

Кроме женитьбы результатом экспедиционных работ Н.И. Терешкина яилось первое описание грамматического строя восточных диалектов хантыйского языка. В 1968 году Н.И. Терешкин защитил кандидатскую диссертацию „Ваховский диалект хантыйского языка“. Николай Иванович собрал

большой этнографический и фольклорный материал. Многие тексты хантыйского фольклора были им опубликованы, переведены на русский язык и использованы в учебной работе. Работу над некоторыми текстами Николай Иванович не успел довести до конца. Вот уже 40 лет в хантыйских школах пользуются букварями, методическими рекомендациями и книгами для чтения на языке ваховских и сургутских Ханты. Н.И. Терешкин принимал участие в создании таких известных Академических сборников как „Языки народов СССР“ (1966) и „Основы финно-угорского языкознания“ (1974).

Делом всей научно-исследовательской жизни Н.И. Терешкина явилось составление „Словаря хантыйских диалектов“. В 1981 году в издательстве „Наука“ был издан первый том из задуманной им серии. Этот уникальный труд - „Словарь восточно-хантыйских диалектов“ явился итогом многих лет жизни Николая Ивановича Терешкина, первого ученого из маленького народа ханты. И важную роль в становлении Николая Ивановича Терешкина как ученого сыграл его учитель, немецкий ученый Вольфганг Штейниц.